

5.06.97
Северный отшельник

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Вас. АНДРЕЕВ

Идут белые снега, крошечные, всезастылающие и всезаметающие. Из сплошной снежной пелены видны стены и окна домов, шпиль колокольни и купола храмов, верхушки деревенской изгороди. Тусклое утро еле пробивается через тяжелое сумрачное небо, открывая безмолвную, казалось бы, вечную снежную пустыню. Но вдруг вечер прояснился, и в робких лучах неяркого солнца все ожило — снега заалели и зарозовели, заблестели почти незримыми огоньками. И снова — метель, снегопад, морозное солнце, и звонная оттепель, ледоход, последние остатки сугробов, и бурная весна, и летние грозы, напоминающие снежное наваждение. Сюжеты, так нам хорошо знакомые с детства, на картинах Владимира Латынцева, художника из небольшого города Вологодской области — Великого Устюга, показанные в Центральном доме работников искусств, стали истинными откровениями, потому что не столько состояния природы они представляли, сколько наши с вами чувства и настроения.

Но север и все северное Владимир Латынцев действительно любит более всего. Наверное, и потому после окончания Ивановского художественного училища почти на десять лет уехал работать в Мурманск. Ходил с моряками и рыбаками в Баренцево, Карское и Норвежское моря, побывал на полярных островах и землях. Знает, что такое вечные «белые снега». В 1982 году осел в Великом Устюге, городе древнем, заповедном и тоже почти северном. Ему — под пятьдесят. Пик творчества. Он — зрелый, опытный живописец-реалист, сформировавшийся на исконно русских национальных традициях.

Северный отшельник

В Москве выставляется впервые. Привез небольшую часть работ. Большинство же осталось дома, в мастерской. В их числе — большие жанровые полотна, посвященные былям и легендам Великого Устюга, достопамятной истории России. Жаль, конечно, что мы не увидели, быть может, самого многообещающего в его творчестве. Ведь за большие картины, особенно на национального, патристического содержания, берутся самые стойкие, самые убежденные в их необходимости. Сил, энергии, времени они берут много, но их, вероятнее всего, никто не купит. Поэтому монументальные полотна я пишу для себя, для друзей, для людей, пришедших на выставку. Сейчас это не получилось, кажется, из-за транспортных трудностей...

Показал же Владимир пейзажи, портреты, натюрморты. И они привлекли восхищенное внимание. Я не имею в виду поток посетителей на выставку — этот зал в ЦДРИ находится как бы на отшибе от главной посетительской дороги. Но те, кто побывал на ней, вынесли впечатление неизгладимое.

От чего? Самый трудный вопрос. На него очень трудно ответить в нескольких словах. Может быть, оттого, что в его «белых снегах» нет щемящей печали, удручающей грусти от быстро уходящей жизни. «Словно души, бесследно, идут в небо с земли», как горюет наш знаменитый поэт в знаменитом стихотворении. Его картины зовут к жизни во все времена «снежных ненастий, леденящих ветров и зловещих гроз». Они привлекают свежестью и искренностью чувств, нравственной чистотой, глубиной образного мышления. И красотой. Сочной, энергичной цветовой гаммой.

Владимир Латынцев как-то неожиданно появился в стертой, в общем-то, суетливой московской художественной

обыденности, какой-то доселе неизвестный провинциал из глубинки. Но ни в этой ли простой, безыскусной и неспешной провинциальности произойдет духовное возрождение русской культуры, возвращение к истинно национальным, подчас мучительно выстраданным ценностям — и стародавним, и недавнего прошлого, — очищение ее от чуждых напоров и наслоений?! Говорят же, что новое державное искусство придет из провинции. Не является ли Владимир Латынцев неким знаком предвестников оздоровления?

Наверное, Владимиру повезло, что он взрастил себя на севере, в русской глубинке, куда, слава Богу, почти не доносятся столичная мешанина разных — своих и иноземных — течений, школ и влияний. Он избежал конъюнктурщины, базарной суеты, стремления бежать за чем-то наисовременнейшим, наимоднейшим, желая чем-то «эдаким» поразить,

удивить зрителей. Ведь в такой рыночной толчее даже одаренные художники подчас теряют себя, теряют непринужденно, незаметно. И талант несомненный есть, и профессиональная грамотность, и даже уже звучное имя — нет только настоящего искусства.

Хожу по выставке работ Латынцева, радуюсь и восхищаюсь. Из каких реальных истоков он вышел, кто были его учителя, чьи заветы он воспринял? Сравниваю с близкими ему — Попковым, Стожаровым, Тутуновым, Абакумовым, которые, кстати, создали свое творческое «я» тоже на Русском Севере, в русской глубинке. Похож он на них — не похож? Но в ряду с ними.

Под занавес — короткое интервью.

— В наше время хорошему художнику, тем более убежденному, почти «несовременному» реалисту, не оглядывающемуся за «бугор», прожить лишь на свое творчество почти невозможно. Особенно в таком небольшом городе, как, например, Великий Устюг, где возможности продать работы очень невелики. Приходится, наверное, подрабатывать чем-то на жизнь?..

— Нет. Живу с семьей только тем, что напишу, — на свои картины. Почти ежегодно они покупаются музеями — в Вологде, Тотьме, Череповце, Белозерске, Устюжне и, конечно, в Великом Устюге, где собрана, по-моему, неплохая коллекция моих произведений. Есть работы и в частных коллекциях. Словом, на жизнь хватает...

— Слышал я о вашей огромной работоспособности. Наверное, все время сидите в мастерской, словно отшельник...

— Напротив, много езжу по своей области. Побывал также на Соловках, в Сергиевом Посаде, на Северном Кавказе, в Белоруссии, в Венгрии... Почти каждое лето организую творческие группы, человек по десять-двенадцать, в основном из вологодских художников, и отправляюсь на «пленэр». Учю других — учусь и сам. Как видите, всегда с людьми, всегда среди людей.